

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

ГДЕ РУССКАЯ КРОВЬ ПРОЛИВАЛАСЬ...

* * *

По русскому полю, по русскому полю
Бродила гадалка, вещая недолю.
Где русская вьюга, там русская вьюга,
Там боль и беда подпирают друг друга.
Там, слыша стенанья, тускнеют зарницы,
Пред ворогом там не умеют клониться.
Там ворон кружит, а дряхлеющий сокол
О небе вздыхает, о небе высоком...

О, русское поле! Гадала гадалка,
Что выйдет мужик и, ни шатко-ни валко,
Отложит косу и поднимет булаву
За русское поле, за русскую славу.
И охнет... Но вздрогнут от этого вздоха
Лишь чахлые заросли чертополоха...
Лишь сокол дряхлеющий дёрнет крылами
Да ветер шепнет: "Не Москва ли за нами?.."

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений "Времена". Главный редактор журнала "Новая Немига литературная". Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат нескольких международных литературных премий. Название "Поэт Анатолий Аврутин" в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. Живёт в Минске.

О, смутное время! Прогнали гадалку...
И в Храме нет места её полушалку.
Кружит воронье, а напыщенный кочет
О чём-то в лесу одиноко хохочет.
Аль силы не стало? Аль где эта сила,
Что некогда ворога лихо косила,
Что ввысь возносила небесные Храмы?..
Куда ни взгляни — только шрамы да ямы.

Лишь пес одичавший взирает матёро,
И нету для русского духа простора.
В траву одиноко роняют берёзы
Сквозь русское зарево русские слёзы...

* * *

Взьерошенный ветер к осине приник...
Одна вековая усталость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

На бой не взывают ни горн, ни труба,
Вдали не рыдает гармошка...
Лишь тополь печаль вытирает со лба
Да птицы воркуют сторожко.

Вражина коварен и так многолик!..
Но воинство насмерть сражалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

О, смерд, погибающий в час роковой —
Ему ни креста, ни могилы.
Зарублен, он вновь становился землёй,
И голубь взлетал сизокрылый,

Когда он предсмертный выдавливал рык
И падал... Всё с пеплом мешалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

Заброшено поле... Не скачет гонец.
Давно покосились ворота.
Неужто всё в прошлом?.. Неужто конец?..
Неужто не вышло полёта —

Туда, где лебяжий предутренний крик,
Где спеет рассветная алость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась?..

* * *

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: “Хороший человек!”
Забившись в уголок дивана,

Я слушал — кроха в два вершка, —
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала —
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвёздно,
Что сказка — это не всерьёз,
Мы знали: папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принёс.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала —
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из “Каменного гостя”
Да из “Онегина” строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю —
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу — золотится взгляд...

* * *

От забытой сторожки
до самого лобного места,
От безвестной криницы до вспененной
гривы морской,
Там, где звон соловья так же ранит,
как звон Благовеста,
А над росным покоем возносится Вечный покой;
Там, где зелень травы лиц измученных
не зеленее,
А смиренные очи лампадами в Пасху горят,
Там, где чуешь топор над своею
испуганной шеей
На вчерашней аллее,
а пни оскоплённые — в ряд;
Где бесцельная жизнь остаётся единственной целью
И где с млеком впитали извечное “Горе уму”,
Где божились — купелью,
суставы кромсали — куделью,
А наследство отцово вмещалось в худую суму, —
Непонятно откуда, являются тайные знаки:
“Душу вынь да положи!” —
И положат... И дело с концом.
А хмельной замухрышка, извечно охочий до драки,
В миг единый трезвеет
давно не трезвеющим лицом.
И тогда грозный час именуют: “Лихая година”...
Распахнув те ворота,
что вымазал дёгтем вчера,
Выдыхает шельмец:
“Ты дождись... И роди...
Лучше — сына...”
А валторны рыдают, что парню
в бессмертье пора...

И, слезу осушив о весёлые искры рассвета,
Вдруг поймёшь, что являлись к тебе лишь в испуганном сне
Этот гул грозовой, эта песня, что так и не спета,
Этот ратник, упавший башкою к последней весне.

Потерев кулаком от испуга набрякшие веки,
Удивлённо прошепчешь: “Приснится же, ёшкина вошь...”
И всё будешь гадать: “Это ж сколько всего в человеке...”
А откуда ожог на ладони — никак не поймёшь...

* * *

Эта робкая сирость нищающих тихих берёз...
Снова осень пришла... Всё опять удивительно просто —
Если ветер с погоста печальные звуки донёс,
Значит, кто-то ушёл в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится... И женщину лучше не трожь —
Та похвалит соседку, потом обругает её же...
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не даёт успокоиться коже.

Только женские плачи всё чаще слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю, не будет иначе...
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца... Почувствуешь — вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжёлой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесётся, слепа
Обитателей тёплых и похотью пахнувших спален...
И звезду пожалеешь... И не пожалеешь себя...
Да о чём сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?